

КРОВЬ НА ЛЕПЕСТКАХ

Конюшенко Эгор

Егор Конюшенко

Кровь На Лепестках

<https://litres.ru/74486763>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти бабушки Вера возвращается в старый дом, где среди забытых вещей и запущенной оранжереи обнаруживает странные чёрные розы, которые не цвели много лет. В бабушкином дневнике она находит пугающие записи: эти цветы пробуждаются только от человеческой крови. Вера не верит, пока случайная царапина не заставляет бутон раскрыться на её глазах. Теперь ей предстоит узнать, какую цену сад требует за свою красоту — и кто на самом деле ждёт её среди переплетённых стеблей.

Егор Конюшенко

Кровь На Лепестках

Я узнала о смерти бабушки из короткого звонка от Григория. Он говорил тихо, будто боялся, что его услышат мёртвые стены, и сказал только: «Софья Марковна отошла ночью, приезжайте, Вера». Я не плакала. Просто села в машину и поехала, хотя дорога заняла почти пять часов.

Дом встретил меня тем же запахом — старого дерева, пыли и чего-то сладковатого, что я помнила с детства. Только теперь к нему примешивалась сырость, как из погреба после дождя. Григорий ждал на крыльце, сгорбленный, в заношенной куртке. Он не обнял меня, только кивнул и взял мою сумку. Мы зашли внутрь, и он повёл меня не в комнаты, а сразу через заднюю дверь к оранжерее. Я не спрашивала зачем. Ноги сами шли за ним, как в тумане.

Внутри было душно, хотя стёкла местами потрескались и сквозняк гулял по щиколоткам. Вдоль длинных деревянных столов стояли горшки и ящики, но я не видела ничего живого, кроме серых стеблей, скрюченных, как старые пальцы. Григорий остановился у самого дальнего ряда и показал рукой.

— Вот они, — сказал он и отступил на шаг, словно не хотел подходить ближе.

Кусты чёрных роз. Бабушка всегда говорила, что они осо-

бенные, но я думала, что это просто её выдумки. Теперь передо мной торчали голые ветки с редкими тёмными листьями, скрученными в трубочки. Бутонов не было, только сухие почерневшие завязи, как будто цветы умерли, не успев родиться. И всё же воздух вокруг них был густой, тяжёлый. Я вдохнула и чуть не закашлялась — пахло железом, как от старой водопроводной трубы, и ещё сырой землёй после того, как выкопали глубокую яму.

— Они давно не цвели? — спросила я, и голос прозвучал глухо, будто из-под одеяла.

Григорий помолчал, потерял край рукава.

— С тех пор, как Софья Марковна слегла. Лет пять, а может, и больше. Я поливал, землю менял, а они всё сохли. Будто ждали чего-то. Или кого-то.

Он посмотрел на меня искоса, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на страх. Я хотела спросить, что он имеет в виду, но Григорий уже отвернулся и зашагал к выходу, бросив через плечо:

— Не задерживайтесь тут долго, Вера. Воздух здесь нехороший.

Я осталась одна среди кустов. Где-то под потолком скрипнула рама. Я снова вдохнула этот запах — железо, сырая земля, и ещё что-то еле уловимое, как сладковатый дым. И вдруг мне показалось, что ближайший сухой стебель чуть качнулся, хотя сквозняка я не чувствовала.

Вечером я долго не могла уснуть, ворочалась под старым

одеялом, слушала, как дом оседает и вздыхает. А наутро всё-таки заставила себя зайти в бабушкину спальню. Пахло лавандой и старой бумагой, на кровати лежало аккуратно сложенное покрывало, будто Софья Марковна только встала и вышла на минуту. Я открывала ящики по одному, не зная, что ищу, но руки сами наткнулись на толстую тетрадь в тёмно-зелёном переплёте, спрятанную под стопкой носовых платков. На обложке не было ни имени, ни даты, только выдавленный узор — роза с длинным изогнутым стеблем.

Я села на край кровати и раскрыла тетрадь. Почерк у бабушки был мелкий, с наклоном влево, а чернила местами выцвели до бледно-коричневого. Сначала шли записи о погоде, о садовых работах, о ценах на удобрения, но ближе к середине характер текста менялся. Появились рисунки чёрных роз, зарисовки лунных фаз и длинные абзацы о каком-то «пробуждении». Я читала медленно, шевеля губами, как в детстве.

«Эти розы не живут без крови, — было написано на одной странице, и слово „крови“ было подчёркнуто дважды. — Обычная вода им не нужна. Они спят, пока не почувствуют тёплую человеческую кровь на своих корнях или лепестках. Тогда бутон набухает за минуты, а цветок держится до тех пор, пока не выпьет всё до капли. Чем больше отдашь, тем дольше он будет смотреть на тебя своей ало-чёрной сердцевиной».

Дальше шли предупреждения: не давать сразу много, не

оставлять открытых ран, не подходить к кустам после заката. Я усмехнулась, но губы почему-то пересохли.

Я отложила дневник и спустилась в оранжерею, чтобы проверить вчерашние кусты. Дневной свет пробивался сквозь мутные стёкла, и тени от веток лежали на полу чёрными трещинами. Григория не было видно. Я подошла к дальнему ряду и наклонилась, разглядывая сухой стебель. На нём, среди серой коры, торчал один-единственный шип — длинный, острый, похожий на обломок иглы. Я потянулась, чтобы отломить засохшую веточку с краю, и почувствовала резкий укол в указательный палец.

Было не столько больно, сколько неожиданно. Я отдернула руку и увидела, как из крошечного прокола выступила тёмно-красная капля. Она задрожала на кончике пальца, а потом сорвалась и упала прямо на серый стебель у основания куста. Капля растеклась по сухой коре, как по промокашке. Ничего не произошло. Я стояла и смотрела, зачем-то затаив дыхание.

А потом из глубины куста, из самой сердцевины сплетённых веток, начал подниматься бутон. Сначала он был размером с ноготь, тёмный, почти чёрный. Я не верила своим глазам. Стебель под ним слегка набух, как будто внутри что-то побежало вверх. Бутон рос медленно, но заметно, и его лепестки начали расходиться. Края оставались чёрными, но изнутри, из самой глубины, проступал густой алый цвет. Как кровь, которую разбавили чернилами. Воздух вокруг меня

стал плотным, и снова этот запах — железо, сырая земля и сладковатый дым.

Я слышала, как за спиной скрипнула дверь, но не обернулась. Роза раскрывалась дальше, и мне казалось, что она смотрит на меня.

Та роза провисела ровно четыре дня. Я приходила к ней каждое утро и каждый вечер, садилась на перевёрнутый ящик и просто смотрела. Она была красивая, как живое существо, — лепестки изнутри отливали тёмным алым, а по краям оставались чёрными, будто обожжёнными. Я ловила себя на том, что разговариваю с ней шёпотом, спрашиваю, не нужно ли ей что-нибудь. Она молчала, но, кажется, слушала.

На пятый день лепестки начали сморщиваться с краёв. Я заметила это утром, когда пришла с лейкой, хотя уже знала, что вода ей не нужна. Роза склонилась на стебле, как уставшая голова, и от неё больше не пахло железом — только прелой листвой. Я стояла и смотрела, как она умирает, и внутри поднималась злость, непонятная, глухая. Я не хотела, чтобы эта красота исчезла. Не после того, как я увидела её рождение.

Я вернулась в дом и нашла в ящике кухонного стола маленький нож с тёмной деревянной ручкой. Бабушка резала им травы. Лезвие было старым, но острым. Я сунула нож в карман и снова пошла в оранжерею. Кусты стояли неподвижно, будто ждали. Я села прямо на землю, взяла нож и провела лезвием по левой ладони. Сначала ничего не почувствова-

ла, только холод металла, а потом по линии пореза побежала кровь. Густая, тёплая. Я перевернула руку и дала ей капать на землю у корней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.